

Джоффри шагал вдоль улицы Стали, прислушиваясь к стуку Молотов. Это была мощная мелодия, постоянное перестукивания металла по металлу, ритм, выросший из обычного битья молотов, которое переплеталось с подобными звуками и становилось чем-то большим, чем сумма своих составляющих.

Улица выглядела так, словно вот-вот взорвется от людей. Толпы выходили или заходили в здание, неся необработанную руду в печи, что возвышались над горизонтом, окрашивая небо дымом в черное. Дым воевал со штормовыми облаками, черное боролось с серым, угольное пламя - с пробирающим до костей холодом.

По эту сторону улицы Джоффри увидел мастерскую, обитую ткачами; колеса вращались, щелкая, словно оголодавшие бобры возле хрупкого деревца. Женщины уносили прочь корзины с униформой, кипы за кипами, крашенной пурпурной краской. Составляли вместе сотни корзин, наполненных униформой для легионов Вестероса.

Вращения колес добавляло своим гудением определенный акцент к биению молотов, наслаиваясь сверху и вливаясь в Песню. Джоффри подумал, что выбор цвета оказался ошибочным. Форма должна была быть темной, с оранжевым оттенком; то есть самым дешевым и самым простым для массового производства тип красителя.

Слизь Мопонго была родом с Летних островов, но хорошо росла и в местах с другим климатом... а после обработки тройным прессом, сделанным по и-тийскому образцу, производительность производства красителя должна была бы превзойти результаты даже тирошских мануфактур...

Ниже, в гавани, он заметил немалый флот; й-тийские торговые корабли с парусами, пересеченными бамбуками, лебединые корабли и багровые браавосские галеры, галеоны из Простора, Долины и Узкого моря.

Они переполняли залив, перевоза припасы и людей; тысячи портовых докеров суетились словно муравьи, говоря и таская грузы. Эти звуки вызывали у Джоффри какое-то странное умиротворение. Это было не тихое созерцание в тени чардрева, однако оно все же кое-как помогало в релаксации.

(Докер - это портовый грузчик)

Было что-то существенное, нематериальное в человеческом труде. Ленивая ругань и крики указаний, быстрые разговоры и скрипение повозок. Пыхтение и ворчание при поднимании ящиков и переноске инструментов.

Звуки людей, работавших над чем-то, чего не могли полностью постичь. Над чем-то, чего они не могли увидеть или коснуться, однако все равно одновременно чувствовали. Протяжное неумирающее гудение навевало покой, добавляя очередной слой мелодии к песне и усиливая ее насыщенность; своеобразно усиливая качество, которое он ощущал самим нутром.

Джоффри некоторое время провел так, прислушиваясь у ударам молотов по крицы; и мелодия была постоянным спутником, когда он зашел к одной из кузниц. Оказалось, что там его уже ожидали раскаленная печь и молот с наковальней; юноша взял в руки пару щипцов, в которых уже был зажат кусок металла. Тепло печи окутывало парня; ядро палящего зноя, словно заполняло все вокруг, придавая сил.

Он начал ковку; удар по металлу вливался в общий окружающий ритм; низкочастотный бас придавал мелодии четкой ритм. Таким образом юноша руководил изменением течения песни,

усиливая ее яркость с каждым новым ударом.

- Это будет мощная перемена, которую ты принесешь своим землям, – сказал капитан Шань, сидевший сбоку у горнила. Беззаботный разведчик носил свой старый длинный патрульный доспех: песчано-серую кожу под чешуйчатой броней, длинный плащ развевался вокруг него с порывами ветра. Серый песок потустороннего мира все еще высыпался из доспеха, поскрипывая между соединений.

- И необходима, друг мой, – сказал Джоффри, ускоряя ритм; мелодия набирала темп, пока он колотил по металлической полоске мощными ударами.

- Я недавно размышлял о том, что ты мне сказал, тогда, в Серой Пустоши.

- Это всегда несет толику опасности. Мы же не хотим, чтобы твои мозги превратились в месиво из-за синдрома потустороннего мира, не так ли? – спросил Шань, ухмыляясь, как дурак, которым он и был.

Джоффри что-то буркнул, улыбнувшись, сделал паузу в ковке и поднял тот кусок металла на уровень глаз. Сталь была раскаленная, лицо ощущало жар, пока он медленно вращал ту полосу вдоль оси, осматривая качество.

- Я считаю, что есть что-то... присущее человеку, – сказал он, снова кладя металл на наковальню и снова подымая молот,

- Всем людям. Пятнистым. Крылатым. Мохнатым. Вестеросцам и Эссосцам, – сказал юноша, изменяя ударами форму по своему желанию. Архимейстер Бенедикт часто повторял мысль о странной дуалистичности кузницы. Спокойный анализ и страстное создание. Ярость и терпение. Искусство и наука.

- Маленькие огоньки, – напомнил Шань, улыбаясь, – да хоть и маленькие, да как они ярко сияют.

Джоффри также улыбнулся:

- Меня преследует чувство интуиции. Это уже чувствуется знакомым, словно старый друг... убеждение, что мы все являемся чем-то вроде необработанной руды, так сказать, – сказал он, сосредоточившись на ритме ударов тяжелым молотом. Дым печи отравлял органы чувств, заполняя ноздри запахами масла и металла, угля и кожи.

- Мы были закопаны глубоко в землю, одинокие и никому неизвестные, но нас в конце концов выкопали наружу, – продолжил юноша; окружающая мелодия усиливала свою громкость, ибо призрачные кузнецы по всему городу просыпались, брали молоты и присоединялись к ритму.

Кланг. Удары звенели в унисон с его собственными.

- А теперь нас ослепляют солнечные лучи. Ветры со всего мира обвевают прохладой. Мы проснулись и увидели правду за пределами шахты, прииска; мы увидели звезды и всю правду мира, – молвил Шань.

Кланг.

- Ужасающую правду. Всепоглощающий звон, – добавил Джоффри; струйка пота потекла по лбу, когда он изменил захват щипсов,

- Но мы уже не можем быть рудой, только не под звездами, что смотрят на нас, - сказал он, глядя на холм Эйгона, и опустил металлическую полоску в ведро с водой. Крепость рассвета доминировала над горизонтом, высоченные башни из черных камней затеняли город. Позади крепости стояли ее сестры: пять крепостей на пяти холмах.

- Ты перекуешь их по собственному образцу и подобию, - предположил Шань, разглядывая десятки легионеров, что носили черные доспехи под Крепостью Рассвета. Они были простыми людьми Королевской Гавани, суровыми на вид, и они двигались, словно рыцари перед битвой. Звуки пиления эбеновой древесины на лесопильнях жужжали в отдалении, добавляя низкое постоянное жужжание к ритму песни, пока люди надевали доспехи и вооружались.

Кланг. Кланг.

- Не по собственному образцу, - сказал Джоффри,

- Я превращу своих людей в то, чем они и должны быть, Шаня. Старый порядок не устоит против приближения ночи.

Грохот молотов становился все более бешеным, когда Джоффри снова бил по тому куску металла, размеренно поднимая свой молот. Он уже и почти подзабыл, каково это - орудовать таким мощным инструментом, чтобы не убивать, а творить.

Кланг. Кланг. Кланг

Симфония стала усиливаться, ритм переполнял его изнутри, словно пьянея молодым вином.

- Нет. Если человечество желает выжить, чтобы свет сознания продолжал свое существование и дальше после этой эры, то мы должны перековать себя самих во что большее. Это здесь, Шань, сейчас и везде, и оно базируется на самой сути того, как мы познаем мир, - сказал он, глядя на искры, что вылетели из-под молота словно маленькие молнии при каждом ударе.

- Оно таится в каждом музыкальном произведении, в каждом произведении искусства. Ты создаешь это в каждом инструменте. Ты смакуешь это в каждой порции еды. Ты слышишь это в каждом крике экстаза. Ты заглушаешь это, когда убиваешь.

Юноша нашел тот ритм, которого искал, ритм песни ласкал кожу словно прикосновение полузабытой любовницы; как всеохватывающий экстаз.

- Существование, Шань. Само существование и опыт, - добавил он; последний удар молота подсветил город искрами словно новорожденное Солнце.

- Мы не просто созерцаем Космос... Мы и являемся Космосом, - сказал он, швыряя молот и щипцы.

КЛАНГ.

Звук падения молота на мраморный пол доминировал в сознании, песня на мгновение стихала, словно браавосский оперный маэстро, делавший короткую паузу; оркестр замолчал на мгновение, прежде чем начать исполнение основной части произведения, приближая финальную симфонию. Он поднял раскаленный металлический предмет голыми руками, забыв про наковальню и печь, разглядывая свое творение.

Внимательные глаза придирчиво осмотрели прут по всей длине; он был сделан из чистой меди,

по которой змеились проблески оранжевых огоньков, сияя под лучами новорожденного Солнца.

- Чем они и должны быть, Шань. Не руда, а слитками чистейшего металла. Маленькими огоньками, которые объединятся в один огромный костер, который будет нашим ответом звездам в небесах. Мы будем достойными. Погибнем, или победим, но мы будем достойными...

- Ради Рассвета, - сказал Шань с ласковой улыбкой на устах, пока кровь стекала из угла рта, а посередине нагрудника появлялась красное пятно.

- Ради Рассвета, старый друг, - согласился Джоффри, улыбаясь, и закрыл глаза.

Сон нежно баюкал его, медленно отпуская сознание и уложив его на землю. Сначала он почувствовал свою спину, спазмированные и напряженные мышцы. Они до сих пор еще не привыкли ко сну на твердой поверхности. Потом появилось ощущение рук и ног сбоку, твердых и окоченевших.

Голова ощущалась легкой, глаза почти нетерпеливо открылись под нежными солнечными лучами. Свет просачивался сквозь потертости в ткани малого походного шатра, купая тело в желтом сиянии. Отдаленное жужжание проникало в уши; поблизости начинались и прерывались разговоры. Они следовали песне, хотя и сами этого не осознавали, меняя ее, пока она меняла их. Он мог слышать приглушенное отдаленное шелканье Молотов; караванные кузнецы видимо снова тяжело вкалывают, ремонтируя королевскую карету.

Из уст сорвался протяжный вздох, сон до сих пор вращался в памяти, когда он закрыл глаза. Уж давненько ему не снились Шань. События в крепости рассвета и война, которая там бушевала, происходили так давно, как будто все произошло с другим человеком.

Человеком, побежденным и избитым, что посмотрел в глаза конца всего сущего и плюнул в них в ответ. Человеком, что выбрал смерть с молотом в руке вместо жизни в стыде. Человеком, испуганным и сломанным, которого держали на ногах только дружба и уважение братьев по оружию, которым не было дела до его происхождения и цели существования. Человеком, искавшим истину как пророк, покинутый своими богами.

Джоффри уже не был тем человеком. Он не был Командиром рассвета. Также не был ни моряком, ни капитаном. Не был безудержным исследователем и путником, затерянным в отдаленных джунглях. Не был ученым мужем из Цитадели, и явно не был художником. Он прожил так долго, примерил столько разных личин, пережил столько разных надежд, страданий, мечтаний и ужасов... Иногда он задумывался, кем из тех персоналий он был на самом деле.

Какая идентичность была правдой, а какие были ложью.

На самом деле, он был никем из них всех и всеми ими одновременно. Королем и генералом. Ценителем и авантюристом. Ученым и мечтателем. Он был Джоффри, и сегодня он покажет очередной группе людей, кем они должны были бы быть на самом деле. Сегодня он будет Командиром. Юноша еще чуточку вслушивался в звучание песни, позволяя сознанию купаться в ней еще с мгновение, пока не придет определенное время.

Глаза уставились ко входу в палатку за мгновение до того, как Баррет открыл его. Бывший красный плащ сглотнул слюну, глядя на него еще с секунду, прежде чем вернуть уверенный

вид.

- Они готовы, - сказал он.

- Знаю, - сказал Джоффри.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/2005382>